

А Иннокентий Анненский. Трагедия Ипполита и Феды

Серия "Литературные памятники"

Иннокентий Ф. Анненский "Книги отражений", М., "Наука", 1979

OCR Бычков М.Н.

I

В 428 г. до р. Хр. на афинскую сцену был поставлен второй "Ипполит" Еврипида. Это была одна из тех увенчанных, но чисто аттических пьес, эстетическое влияние которых не перешло за грань античного мира. Драмой значения всемирно-исторического пришлось стать первому, не дошедшему до нас "Ипполиту" {1}, через вдохновленного им Сенеку.

Целью моего послесловия будет опыт эстетического разбора уцелевшей трагедии. Какие бы то ни было сопоставления этой удивительной пьесы с одноименными ей произведениями других народов не входят в мою задачу, но не потому, чтобы я считал этот вопрос исчерпанным, даже после работы Калькмана {2}, а лишь потому, что мне хотелось бы для настоящего случая по возможности изолировать "Венчающего Ипполита" и заняться исключительно, насколько сумею, усилением и углублением его поэтических красот,

Но и здесь даже мне приходится ограничить мою задачу заголовком настоящей статьи. Поэтических красот стиля, лиризма, экономии пьесы {3}, удивительной стройности в распределении партий по отдельным сценам мне, к сожалению, не придется трогать вовсе. Дело в том, что я намерен говорить не о том, что подлежит исследованию и подсчету, а о том, что я пережил, вдумываясь в речи героев и стараясь уловить за ними идейную и поэтическую сущность трагедии.

Пролог принадлежит Киприде. Это – божественная угроза сыну Амазонки {4} за то, что он высокомерно относится к силе богини любви. Федра, по словам Киприды, тоже погибнет, только не по своей вине, а потому, что через нее должен быть наказан Ипполит. Богиня намечает и третьего участника будущей трагедии – Фесея. Посидон обещал ему исполнение трех желаний, и слово отца погубит сына.

Хотя Афродита и говорит об Ипполите, как о своем личном "враге", который ей "заплатит" (ст. 49–50) {Текст – Вейля {5}}, как везде в этом разборе, если не будет особой оговорки., но при восстановлении эстетической силы пролога следует помнить, что боги Еврипида давно покинули Олимп. "Я не завидую, – говорит богиня "Ипполита", – зачем мне это?" (ст. 20). Киприда потеряла уже наивный облик защитницы Париды, чтобы возвыситься до утонченного символа власти и стать непререкаемой силой, "великою для смертных и славною на небе" (ст. 1 сл.); в богине Еврипида есть и новое самосознание, которое носит печать века. "Ведь и в божественном роде, – говорит Афродита, – людской почет сладок" (ст. 7 сл.).

Кара, идущая от такой символической, рефлексированной богини, должна была менее оскорбительно влиять на нравственное чувство зрителя, и Еврипид, возбуждая в толпе нежную эмоцию сострадания, не без тонкого художественного расчета с первых же шагов трагедии холодновеличавым обликом своей богини как бы ограждал чуткие сердца от тяжкого дыхания неправды.

Пролог "Ипполита", а в связи с этим и самая концепция напоминают "Вакханок" {6}: и там и здесь карается богоборец, и угроза слышится еще в прологе. Но эстетически и пьесы и прологи далеко не совпадают. Дионис гораздо красочнее Киприды: этот божественный обманщик должен не только покарать своих врагов, но и одурачить их, и для этого, сам появляясь на сцене "Вакханок", под маской лидийского чародея, бог сначала даст себя связывать, а потом станет прихорашивать фиванского царя, оправляя на нем женский пеплос. Киприде же вовсе незачем являться действующим лицом драмы, – это только тень, прекрасный символ той жестокой власти, которой безраздельно отданы женские сердца, и богине не надо выдумывать сложной игры со своими жертвами, потому что ее яд действует на расстоянии, и сама жизнь ей помогает.

Когда с альтана {7} исчезает Киприда, на сцене показывается Ипполит со свитой. Но мы узнаем об этом приближении еще ранее из слов богини, и потому светлый облик Ипполита возбуждает в зрителях с первых шагов его на сцене особое чувство. "Он не знает {8}, – говорит богиня, – что ворота Аида стоят